

Д. Вульф

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФЕРОВ: АНГЛИЙСКИЙ ОПЫТ И КЛУБЫ В ЦАРСКОЙ РОССИИ

Яхт-клубы ассоциируются обычно с парусным или другими видами водного спорта, со спортсменами в белой униформе и с морем, или, по крайней мере, с озерами и реками, пригодными для водного спорта. В царской России их было немало. В общей сложности в Российской империи накануне Первой мировой войны насчитывалось около 45 яхт-клубов¹. Они существовали не только в столицах, но и в губернских и даже в некоторых уездных городах. При этом они располагались не только в приморье или приозерье, но даже там, где окружающая среда, казалось, не благоприятствовала занятиям водным спортом. Во второй половине XIX в. яхт-клубы в России стали, наряду с другими общественными объединениями такого рода, очень популярным местом, где городское население, и не только его зажиточная часть, занималось разными видами спорта, слушало концерты, играло в карты или в лото, танцевало или просто гуляло. Яхт-клубы, расцвет которых приходился в России на конец XIX – начало XX вв., являлись не только привилегированным местом для общения и досуга буржуазии, но и платформами для создания бессловесных сетей, которые в локальном обществе играли ключевую роль². Ассоциации и объединения как таковые являлись доминирующей структурой того времени, в рамках которых осуществлялись социальная коммуникация и значительная часть общественной и политической деятельности населения. Еще Макс Вебер отмечал, сколь сильно общественные объединения разных профилей проникли в повседневную жизнь. По его мнению, современный человек являлся человеком ассоциации «в невиданных до этого масштабах»³.

Общественность царской России, ее организации, в том числе и клубы, являются объектами пристального внимания российского и международного исторического сообщества⁴. Такой интерес не случаен: именно наличие разнообразной сети клубов, союзов и

ассоциаций в своем историческом измерении считается важным индикатором зрелости того или иного общества. При этом многие историки, занимающиеся анализом исторической роли общественных организаций в России, исходили из предположения, что эти организации, аналогично подобным структурам в Западной Европе в XIX – начале XX вв., являлись главной организационной формой гражданского общества⁵. Однако тезис о наличии в России гражданского общества остается спорным, тем более что при всем многообразии научной литературы, посвященной этой теме, микроисторический анализ конкретных клубов и ассоциаций до сих пор является исследовательской лакуной. При этом в фокусе историков пока находились преимущественно просветительские, благотворительные и научные ассоциации, и гораздо реже клубное движение.

К нерешенным исследовательским задачам, несомненно, относится вопрос о том, каким образом клубы пришли в Россию. Дело не в том, что этот вопрос оказался без внимания историков. Джозеф Брэдли, например, исследуя историю научных объединений в России, сравнивал их с подобными институтами во Франции и в Германии. Его вывод о том, что отличия между научными объединениями в России и Западной Европе менее явны, чем принято считать, не вызывает сомнения, но не дает объяснения для причин такой близости⁶. А.С. Туманова справедливо указывала на то, что первые устойчивые формы социальной коммуникации возникли в Европе в форме парижских салонов и лондонских кафе. По ее мнению, клубная культура пришла в Россию в конце XVIII в. именно оттуда, прежде всего из Англии, где она была чрезвычайно развита⁷. Однако почему оттуда, каким образом и по чьей инициативе – эти вопросы остаются в тени. То же самое относится к И.С. Розенталю, который, в частности, подчеркивал тот аспект, что клубная культура и клубная организация досуга широких слоев общества сложились в результате заимствования извне. По его мнению, история клубов в России, в том числе яхт-клубов, часто являлась результатом взаимовлияния, противостояния и диалога собственной и западноевропейской культур в процессе национальной идентификации, через формирование в массовом и элитарном сознании образов «своего» и «чужого»⁸. Однако какими путями и с какими результатами осуществлялись подобного рода заимствования, Розенталь не уточняет.

При поиске ответов на вопрос о происхождении клубной традиции весомую поддержку может оказать теория культурных трансферов, разработанная французским историком Мишелем Эспаньем⁹. Под культурным трансфером Эспань и его последователи понимают следующее: «движение людей, материальных предметов, понятий и культурных знаковых систем в пространстве, происходящее преимущественно между различными, относительно идентифицируемыми и поддающимися разграничению культурами, в результате которого происходит их смешивание и взаимодействие»¹⁰. Клубы как культурные знаковые системы пересекли границы английского культурного пространства и оказались в русском культурном пространстве. Согласно терминологии Эспанья, в России как стране-реципиенте в этом конкретном случае существовали потребность в их «импорте» и социальные силы, заинтересованные в этом. Уже в Российской империи произошли их адаптация и трансформация.

Первые клубы в России возникли в XVIII в. Однако вопрос о том, какой клуб в России можно считать самым первым, остается спорным. Некоторые авторы, преимущественно близкие к современным яхт-клубам, не без оснований полагают, что таковым была речная флотилия Петра I, основанная в апреле 1718 г. Согласно его указу от 12 апреля 1718 г. «О содержании розданным обывателям парусных и гребных судов в исправности и чистоте, о построении на место оные по тому же образцу новых, о выезде на оных судах, по данному сигналу, для обучения навигации и о наблюдении Комиссаром за исправностью и содержанием судов частными обывателями» царь дарил обитателям еще не очень благоустроенной столицы, прежде всего представителям высшей аристократии, судна. Все владельцы обязаны были по воскресеньям являться на речные или морские прогулки и принимать участие в «экзерцициях». Это касалось и женщин. Всего был роздан 121 корабль разных классов (яхты, баржи, торншхоуты, буеры, рябиты, верейки) 75 уважаемым людям Санкт-Петербурга¹¹. Идея о создании такой флотилии являлась результатом долголетнего положительного опыта Петра с использованием технологий английского и голландского кораблестроения, начиная со знаменитого ботика в Измайлово. С яхтами он имел возможность познакомиться ещё во время Великого посольства летом 1697 г. в Голландии, где эти небольшие суда часто использовались для преодоления относительно короткой дистанции до британских островов¹².

Во время последующего четырехмесячного пребывания в Англии с января 1698 г. Петр досконально изучил основы теории судостроения. Там же он совершил несколько походов на яхте «Ройал Транспорт», которая была впоследствии переведена в Беломорскую флотилию, а затем на Балтику. Первой придворной яхтой в Санкт-Петербурге стала построенная в 1706 г. в Англии «Святая Екатерина»¹³. Таким образом, есть все основания предполагать, что создание Невской флотилии являлось своего рода результатом технологического, культурного и правового трансфера, организатором и инициатором которого был сам Петр I. Известно, что Петр в законодательных актах по морскому делу очень часто ссылался на нормативные документы французского и голландского происхождения¹⁴. Не исключено также, что во время путешествий он имел возможность лично познакомиться с клубной жизнью в Англии и взять эту идею на вооружение. Во всяком случае, в ноябре 1718 г. последовал петровский указ о создании так называемой «Ассамблеи». Подразумевалось вольное, но строго регламентированное собрание «не для только забавы, но и для дела, ибо тут может друг друга видеть и о всякой нужде поговорить, также слышать, что, где делается, притом же и забава». По меткому выражению Е.В. Анисимова, создание Ассамблеи свидетельствовало о том, что «приучать людей вести себя непринужденно в России можно было только принуждением»¹⁵. Речь шла скорее о регламенте устройства дворянских вечеринок, нежели об уставе для клубов в России. О какой-либо попытке самоорганизации петербургского общества в виде Невской флотилии говорить не приходится. Создание флотилии на Неве, скорее всего, было очередной попыткой воспитания дворянства и ярким выражением закрепостительной политики по отношению к нему¹⁶.

Манифест Петра III о вольности дворянства от 18 февраля 1762 г. подготовил юридические условия для образования общественных организаций и создал одновременно потребность в них. Новая жизнь дворян без службы требовала новых форм организации времяпрепровождения, в результате чего уже скоро возникли клубы и другие общественные объединения, организационные формы которых были заимствованы из западноевропейской культуры благодаря жившим в России иностранцам. К ним принадлежал, в первую очередь, Английский клуб, основанный в 1770 г. в Санкт-Петербурге. Появление именно Английского клуба не являлось случайностью. Английская клубная культура, в частности

ее разнообразие, её упор на частное и личное, а также свойственный ей культ одиночества, очевидно, привлекала русское дворянство и купечество, к тому же в Санкт-Петербурге нашлись деятельные англичане, готовые взять инициативу для осуществления такого трансфера на себя. Успешное распространение клубной культуры английского образца в России в конце XVIII – начале XIX вв. было связано со многими обстоятельствами. Существенную роль при этом играли очевидная аполитичность клубов, их элитарность и надсословность. Основатели первых клубов, как правило, зажиточные иностранцы, строго запретили своим членам вести политические или религиозные дебаты. Тем членам, которые нарушали эти правила, грозили серьёзные санкции: изгнание из клуба и придание гласности фамилии нарушителя на Черной доске клуба¹⁷.

Об Английском клубе нам достаточно много известно благодаря исследованиям Л. Завьяловой и И. Розенталя¹⁸. Он был удивительным явлением и привлекал своих членов, прежде всего, своей упорядоченностью времяпрепровождения. Как многие клубы в Англии, он и в России оставался чисто мужским заведением. Однако в результате трансфера Английские клубы трансформировались и адаптировались к российским политическим и культурным условиям. В последующие десятилетия он постепенно превратился в сугубо русский Английский клуб. Языком общения с 1817 г. стал исключительно русский язык. Стали преобладать русские члены, преимущественно представители аристократии и крупные чиновники. Тем самым он потерял свою прежнюю бессословность и стал клубом элиты, в котором богатые дворяне общались между собой. Впоследствии, в силу особенностей конституционной действительности самодержавного строя, Английские клубы Санкт-Петербурга, Москвы и губернских городов превратились в сословные объединения патриотического дворянства, в которых только название, склонность к карточным играм преимущественно английского происхождения и наличие говорильной комнаты в помещении клуба напоминали об английском прошлом. Элитарность обеспечивала Английскому клубу в Санкт-Петербурге право на существование даже тогда, когда в годы правления императора Павла I клубы оказались в опале. Английские клубы столицы и после отмены крепостного права в 1861 г. остались оплотом консерватизма и реакции и как таковые в значительной мере потеряли свою притягательную силу даже для членов дворянского сословия.

В результате реформ в Российской империи, в частности, отмены крепостничества и реформы местного самоуправления в 60-е гг. XIX в., клубное движение сильно видоизменилось. Появились клубы нового поколения, главной отличительной чертой которых, несмотря на продолжение государственной опеки, являлось преодоление старой сословной замкнутости. За исключением Английского и Дворянского клубов они стали доступны представителям разных сословий. Значительно расширилась география распространения клубов и других общественных объединений, произошла диверсификация их работы. Как справедливо отметила А.С. Туманова, «клубную форму самоорганизации общества отличали гибкость, многообразие и некоторая неопределенность»¹⁹. Даже ландшафт Английских клубов сильно изменился. Старая аристократическая версия оказалась в изоляции. Появились новые Английские клубы, в том числе в провинции, которые гораздо лучше были приспособлены к новым условиям. У истоков этих клубов стояли английские подданные, проживающие и работающие на территории Российской империи, вместе с русскими англофилами из ряда интеллигенции. Их члены занимались теми же занятиями, что и клубисты в самой Англии: они играли в гольф, футбол, бильярд, а также в бридж, проводили благотворительные вечера и торжественные обеды, устраивали клубные библиотеки, открывали школы и книжные лавки. Английское влияние было наиболее ощутимо в столицах, где проживало относительно много англичан. В провинции подобные клубы часто продолжали жить в старых традициях, когда в центре клубной деятельности находились буфет и танцы, а также карточная игра, часто в своем азартном варианте. Наверное, следует отметить, что вторая попытка такого рода трансфера клубов демонстрировала более устойчивые результаты. В этом была немалая заслуга российских правоведов, которые в конце XIX – начале XX вв. много внимания уделяли правовым аспектам осуществления свободы союзов и при этом чаще всего ссылались на опыт Германии, Франции и Англии. Этот опыт, хотя и только частично, вошел во «Временные правила об обществах и союзах» от 4 марта 1906 г. и значительно расширил возможности россиян в плане самоорганизации общества²⁰.

Новые импульсы развитие Английских клубов получило в годы Первой мировой войны. Обстоятельства военного времени, в частности, союз с Англией и господствующее в кругах либе-

ральной интеллигенции убеждение, что только победа Антанты в большой войне могла обеспечить достойное место России в послевоенной демократической Европе, придавали существующим Английским клубам актуальный политический характер. На этой базе появились новые организации, такие, как Общество сближения с Англией в Москве или Общество английского флага в Петрограде²¹. В их деятельности принимали участие такие видные деятели партии кадетов и партии прогрессистов, как, например, П. Милюков, М. Ковалевский и А. Кизеветтер. Работа этих объединений широко освещалась в прессе, хотя у них быстро появились соперники на политическом поле, в частности, последователи славянофилов, которые выступали за единение «братьев-славян». История Английских клубов закончилась после Октябрьской революции. Историк Ю.В. Готье писал 23 декабря 1917 г.: «Вечером обедал в Английском клубе: довольно много генералов в штатском (Зайончковский, Нилов) и вообще бывших людей: большая азартная игра: бывшие люди обладают выдержкой и воспитанием, а кроме того, в клубе стараются отвлечься от скорбных дум»²².

Историческая судьба одной из разновидностей клубного движения, а именно, российских яхт-клубов, сложилась похожим образом. Решающие импульсы для их создания также пришли из англосаксонского мира, где парусный спорт имел давние традиции. Первая парусная гонка состоялась в 1661 г. на реке Темзе. Состязались под эгидой короля Карла II парусные лодки «Catherine» и «Anne»²³. Уже в 1674 г. был создан Клуб военного флота (Naval Club). Он являлся предшественником Королевского клуба военно-морского флота (Royal Naval Club), который был создан в 1765 г. и больше занимался благотворительностью, нежели спортом²⁴. Первым яхт-клубом в собственном смысле этого слова был Водный клуб гавани Корка в Ирландии (The Water Club of the Harbour of Cork)²⁵. И наконец, в 1775 г. в Лондоне был создан первый поныне действующий настоящий яхт-клуб, который впоследствии получил название Royal Thames Yacht Club²⁶. Именно по его образцу создавались подобные клубы по всей Англии. Несмотря на свою элитарность, они объединяли на почве совместных спортивных и других интересов представителей разных слоев населения. Яхт-клубы быстро стали престижным местом проведения досуга, а также важным неформальным местом встречи городских элит, где обсуждались вопросы, которые выходили

далеко за рамки гребного или парусного спорта. Они являлись важной составной частью коммуникационной сети бессословной буржуазии²⁷.

Таким образом, возникшие в Англии яхт-клубы служили образцом для появления подобных объединений по всей Европе, в том числе и в России. В 1846 г. был утвержден первый устав и флаг Санкт-Петербургского Императорского яхт-клуба, созданный по образцу английского Королевского яхт-клуба, который Николай I посетил в 1844 г. во время своего официального визита в Великобританию. В его состав входили 19 членов, при нем были 5 парусных яхт. В Санкт-Петербургский Императорский яхт-клуб доступ имели исключительно члены дворянского сословия. В нем состояли члены императорской семьи, придворные аристократы, гвардейские офицеры, иностранные дипломаты. Число членов не могло превышать 125 мужчин. Чрезвычайно высокие денежные взносы подчеркивали элитарность клуба. Вступительный взнос составлял 250 рублей, годовой 100 рублей, а с начала XX в. – 200 рублей. Первым командором был избран князь А.Я. Лобанов-Ростовский. В его первый комитет вошли такие знатные аристократы, как граф И.А. Шувалов, князь Б.Д. Голицын, граф Ф.К. Апраксин, И.А. Рибопьер, а также контр-адмирал М.Я. Путятин. К почетным членам клуба принадлежали первооткрыватели Антарктиды, адмиралы Ф.Ф. Беллинггаузен и М.И. Лазарев, вице-председатель Русского географического общества, адмирал Ф.П. Литке. В конце 1840-х – 1850-е гг. спортивная жизнь клуба была довольно интенсивной, но с 1859 г. клуб, очевидно, больше не проводил спортивные состязания²⁸. В целом спорт в Императорском яхт-клубе играл далеко не первую роль. Этому препятствовали ограничения, связанные с уставом клуба. Членами могли быть только дворяне, владеющие морским парусным судном водоизмещением не менее 20 тонн без торгового назначения. К тому же появление паровой технологии в судоходстве в середине XIX в. сильно содействовало исчезновению спортивного азарта у членов Императорского яхт-клуба. Впредь основная жизнь клуба протекала в стенах штаб-квартиры на Большой Морской улице в центре столицы. Она стала популярным местом встречи аристократических снобов, где они играли в карты или устраивали политические тусовки. Графиня Мария Клейнмихель, тонкий наблюдатель нравов элиты в Санкт-Петербурге, отмечала, что именно оттуда «в течение многих лет выбирались кандида-

ты на высокий административный или дипломатический пост, а также и начальники гвардейских дивизий и корпусов. За членами Яхт-клуба ухаживали, заискивали в них, так как они могли легко оказать протекцию, [...] он был телом, одухотворенными высшими гвардейским чиными»²⁹. Выбор места для тусовки не был случайным. В яхт-клубе собрались влиятельнейшие чины империи. Первым почетным председателем был великий князь Константин Николаевич. Командоры Императорского яхт-клуба, как правило, принадлежали к числу приближенных самого императора, как, например, министры императорского двора И.И. Воронцов-Дашков (1891–1895) и В.Б. Фредерикс (1903–1912), а также товарищ министра внутренних дел и шеф жандармов П.А. Черевин (1895–1896). Однако, судя по воспоминаниям очевидцев, роскошное здание со знаменитым рестораном являлось для многих клубистов всего лишь помещением, где можно было сидеть и наблюдать за движением на оживленной улице. Для министра иностранных дел графа В.Н. Ламздорфа клуб являлся просто храмом ленивости³⁰.

К старому Императорскому Санкт-Петербургскому яхт-клубу настоящие энтузиасты парусного спорта не имели доступа. Да и его замкнутость никак не соответствовала потребностям зажиточных социальных слоев в городах Российской империи в пореформенное время. Появление более демократичных форм клубов находилось на повестке дня локального общества. В соответствии с английским образцом они должны были стать открытым местом общения для представителей всех зажиточных слоев населения³¹. С 1858 г. на берегу Черной речки стали собираться подлинные любители речных путешествий и образовали неофициальное объединение «Моряк на все руки» (по английскому образцу *Jack of all trades*). К учредителям принадлежал Н.Х. Вилькинс, крупный землевладелец английского происхождения. После принятия устава в 1860 г. оно было преобразовано в Санкт-Петербургский Речной яхт-клуб, который расположился на Крестовском острове, ближе к открытому морю. Его высочайшим покровителем стал великий князь Константин Николаевич, генерал-адмирал Российского флота, который, в частности, являлся патроном клубных соревнований. В 1910 г. клубу было присвоено название «Императорский». К концу XIX в. в клубе числились около 350 членов. С момента образования до начала XX в. нем побывали почти 3000 человек. За это же время клуб приобрел 533 яхты и организовал более 500

гонок³². Таким образом, за годы своего существования Санкт-Петербургский Императорский Речной Яхт-клуб стал одним из самых крупных общественных объединений Российской империи. Несмотря на постоянное покровительство со стороны императорской семьи и невзирая на нередкие попытки придать клубу дворянский облик, он остался верен принципу открытости и бессловности. В столице он был одним из самых доступных и популярных мест для встреч чиновников, офицеров военно-морских ведомств и зажиточной интеллигенции. Его примеру последовали другие яхт-клубы Санкт-Петербурга (накануне Первой мировой войны их там было 10), а также других городов Российской империи.

К ним относился и Воронежский Петровский яхт-клуб, который возник в 1874 и просуществовал до 1917 г.³³ Учредителями клуба выступили знатные граждане Воронежа, среди них С.М. Карпинский, молодой педагог, владелец единственной тогда в воронежских водах парусной шлюпки с названием «Дон», позже директор Учительской семинарии, И.К. Федоров, крупный купец и гласный городской думы, А.Е. Матюшенко, купец, заведующий городским водопроводом, позже также гласный городской думы, А.В. Миллер, впоследствии судебный пристав, учитель гимназии М.В. Гонорский и Н.М. Павлов. Первым командором стал П.И. Сафонов, действительный статский советник, в прошлом управляющий акцизными сборами в Воронежской губернии. Устав клуба был частично заимствован из устава С.-Петербургского яхт-клуба. Примечательно, что командор того же клуба В.Ю. Познанский был сразу же избран почетным членом клуба в Воронеже. Близость к речному яхт-клубу на Неве носила символический характер. В соответствии со столичным образцом, организаторы в Воронеже ссылались при создании своего клуба в первую очередь на демократическую английскую традицию. Они отнюдь не имели в виду Невскую флотилию, когда дали яхт-клубу наименование «Петровский»: «По имени незабвенного преобразователя России Императора Петра Великого, положившего начало русскому флоту строением судов именно в городе Воронеже, положено было назвать вновь возникающий Яхт-клуб Петровским»³⁴. Постоянное напоминание о судостроительной деятельности Петра являлось красной нитью, которая прослеживалась на протяжении всей истории воронежского яхт-клуба. Таким образом, клуб выполнял важную функцию в процессе образования локальной идентичности в городе³⁵.

19 марта 1875 г. устав был утвержден товарищем министра внутренних дел М.Р. Шидловским. Покровителем клуба стал великий князь Алексей Александрович, впоследствии генерал-адмирал Российского флота. Согласно уставу, клуб объединил в своих рядах любителей парусного и гребного катания на лодках. Судя по доступным на данный момент сведениям, новое общественное объединение нашло широкий отклик в городе. Уже в первый год своего существования яхт-клуб насчитывал 131 действительного и 8 почетных членов³⁶. Согласно отчетам комитета за 1887 г., в клубе состояли 105 действительных и 14 почетных членов, а также 4 сотрудника, а в 1889 г. 138 действительных, 14 почетных членов и 1 сотрудник. В середине 1890-х гг. наблюдалось некоторое снижение численного состава, потом он снова возрос. В целом, несмотря на определенную текучесть кадров, в клубе сохранилась относительная устойчивость численного состава. Накануне первой мировой войны в яхт-клубе числились примерно 200 человек. Для среднего провинциального города Российской империи, насчитывавшего в 1897 г. 81 000 жителей, такой клуб являлся весьма заметным явлением. Не удивительно, что клубная жизнь достаточно часто и ярко отражалась на страницах местных газет и журналов.

По своему социальному составу яхт-клуб в Воронеже зеркально отражал городское общество, то, как оно складывалось после реформ 1860-х гг. В нем были широко представлены все слои населения, игравшие активную роль в политической и социальной жизни города: члены городского самоуправления, земские деятели разных уровней, учителя, представители технической интеллигенции, судьи и присяжные поверенные. Особенно бросается в глаза широкое участие представителей органов городского самоуправления. Из всех поименно известных членов яхт-клуба 73, т.е. 16%, являлись гласными городской думы³⁷. Как и в самой думе, среди них однозначно преобладали купцы и почетные граждане из купечества, на втором месте оказались дворяне, чиновники и представители интеллигенции. Из 38 членов городской управы за период с 1875 по 1917 гг. как минимум 16 являлись членами клуба. В яхт-клубе Саратова состояли 18% всех гласных городской думы, а в тамошнем Коммерческом собрании даже 40%³⁸. Губернские власти, наоборот, были менее широко представлены в работе клуба. Из воронежских губернаторов и вице-губернаторов только М.А. Оболенский и А.В. Богданович в первые годы

существования клуба были избраны почетными членами клуба. Предводители дворянства губернии и уездов также редко входили в состав клуба³⁹. Таким образом, социальный состав клуба прежде всего свидетельствовал об активности городского общества. Воронежский Петровский яхт-клуб и другие общественные объединения, наряду с разветвленными семейными династиями представителей экономической и культурной элиты и институтами городского управления, играли важную роль в образовании неформальных, но влиятельных социальных сетей⁴⁰. Присутствие столь многих важных представителей органов городского самоуправления иногда имело очень положительный, с точки зрения клуба, экономический эффект. Наглядным примером действенности такого рода сети из чиновников, гласных и яхтсменов служил цейхгауз времен Петра I, который в 1875 г. был передан клубу в бесплатную аренду⁴¹. Невзирая на нужды городской казны и на вопиющие нарушения контрактов с городом, зафиксированные «Комиссией о пользах и нуждах», цейхгауз вплоть до 1917 г. остался в бесплатном пользовании яхт-клуба. Похожие примеры известны и в других городах России. Так, например, члены клубов в Саратове с помощью гласных городской думы провели успешную лоббистскую работу с целью сокращения акцизов на продажу напитков в клубных буфетах. За предоставленную городом территорию яхтсмены должны были платить 55 рублей ежегодно, но от выплаты и этой весьма скромной суммы они нередко воздерживались. В 1885 г. городская дума в Саратове аннулировала долги яхт-клуба⁴². С другой стороны, достаточно разнообразный социальный состав яхт-клуба указывал на то, что занятие спортом в городе стало независимым от происхождения и в значительной степени от материального положения.

Устав яхт-клуба подробно устанавливал права и обязанности его членов, а также правила его обширной деятельности. Членом клуба можно было стать по рекомендации других членов путем баллотировки. Других ограничений для вступления в клуб не существовало. Разумеется, действовал финансовый ценз в виде взносов. Их размер в воронежском яхт-клубе, как и в яхт-клубах других городов, был относительно высоким. Он составлял в 1909 г. 15 руб. ежегодно при единовременном вступительном сборе в размере 5 руб.⁴³ Для сравнения, члены элитного «Нового клуба» в г. Казани, например, платили лишь 10 руб. ежегодно⁴⁴. Впрочем, по сравнению с Английским клубом (125 рублей), с Новым клубом

(250 рублей) или с Императорским яхт-клубом (200 рублей) эта сумма выглядела достаточно скромной⁴⁵. Тем не менее, несмотря на наличие разных источников финансирования, финансовое положение провинциальных клубов было весьма шатким. Серьезной проблемой являлась неуплата взносов.

Система принятия в члены носила рутинный характер. Обычно рекомендованные кандидаты беспрепятственно проходили процедуру баллотировки: «На баллотировку смотрят, как на пустую формальность. Двое предлагают – чего там рассуждать каков человек! Поэтому почти все и всем кладут направо. Всегда баллотирующийся выбирается в члены. [...] Словом, исход баллотировки заранее известен. Благодаря такому благодушию состав членов сделался самым разнокалиберным»⁴⁶. По мнению анонимного автора данной заметки, отклонение кандидатуры, если таковое имело место быть, чаще всего являлось результатом произвола. В Саратовском яхт-клубе в 1904 г. из 75 кандидатов не были подтверждены лишь двое⁴⁷. Вероятнее всего, именно принятие в члены по рекомендациям стало причиной того, что в составе яхт-клуба сложились кластеры по профессиональному признаку. Иначе трудно объяснить, например, удивительный наплыв сотрудников Козлово-Воронежско-Ростовских железных дорог в составе воронежского клуба, который наблюдался в конце 80-х – начале 90-х гг. XIX в. Кроме того, «Правила внутреннего распорядка Петровского Воронежского Яхт-клуба» 1909 г. регулировали всевозможные вопросы деятельности клуба, как, например, статус действительных и пожизненных членов, членов-сотрудников, выход и исключение из его состава, пользование судами клуба, работу руководящих его органов, права командора, вице-командора и казначея, эксплуатацию шлюпочной мастерской и строительной комиссии, а также режим работы катка, купельной, игорной комнаты и библиотеки⁴⁸.

Воронежский яхт-клуб официально преследовал цель «развития в обществе охоты к приятному и полезному развлечению на воде»⁴⁹. Что под этим подразумевалось, было подробно описано в юбилейном издании, составленном почетными членами яхт-клуба С.М. Карпинским и А.В. Миллером: «Деятельность Яхт-клуба выразилась в устройстве гуляний, детских вечеров и гонок, в катаниях, плаваниях и путешествиях, совершенных членами его, влиянии на улучшение типа и постройки местных лодок и в распространении по городу и окрестностям его правильно постро-

енных шлюпок. Сверх того, Клубом устраивался почти ежегодно зимою каток, сперва на льду реки, а потом на аллеях городского сада»⁵⁰. В первые два десятилетия существования клуба спортивная составляющая оставалась малозамеченной в городе, да и в собственном делопроизводстве яхт-клуба гребные или парусные соревнования играли подчиненную роль⁵¹. Гораздо больше внимания уделялось экономической, культурной и развлекательной сторонам деятельности, то есть гастрономии клуба, народным гуляниям и игре в лото, а также хору и кружку любителей театрального искусства. В этом отношении воронежский яхт-клуб не отличался от подобных заведений в столицах Российской империи и в Англии.

Особое место занимали игры, в частности, карточные, а также другие азартные игры. Среди них преобладали лото, преферанс, предшественником которого был английский вист, тарок, бридж и баккара. По разным причинам они были весьма привлекательны для зажиточных слоев городского населения. Прежде всего, со своими всем понятными правилами оно облегчали коммуникацию. К тому же карточные игры успешно создавали иллюзию равных прав и постоянных новых шансов, поскольку каждая новая игра требовала новую раздачу карт⁵². Клубы получали весьма значительные доходы от игорных страстей своих членов и гостей. В казну клубов поступали деньги от продажи карт⁵³ и от аренды помещений для проведения карточных игр. Эти доходы играли значительную роль в сметах и финансовых отчетах воронежского яхт-клуба. В пояснениях комитета клуба к отчету за 1887 г. с определенной гордостью было подчеркнуто, что «карты принесли прибыли, как видно из отчета, 160 р., т. е. более на 140 р. ожидавшегося поступления, хотя в кассу поступило только 127 р. 80 к., а остальные деньги 30 р. 20 к. за 17 игр не уплачены буфетчиком и 2 игры остались не разыгранными»⁵⁴. За расходование карт отвечал конторщик клуба, которому буфетчик Маркин не расписался за получение карт и не уплатил долг. Так как Маркин удалился из клуба, деньги были потеряны. Примечательно, что в смете яхт-клуба за 1911–1912 гг. в разделе прихода статья о картах отсутствует. Иногда желание зарабатывать деньги на этой почве приводило к серьезным нарушениям правил. Клубы терпимо относились к тому, что игроки играли в запрещенные государством игры или занимались дольше положенное своим увлечением. Известен случай, когда городские власти в Воронеже раскрыли

вопиющий факт, что в арендуемом яхт-клубом цейхгаузе, в тех залах, где находились портрет императора Петра I и модели судов, производилась запрещенная игра в лото, а в соседней комнате был устроен буфет⁵⁵. Допущение таких серьезных нарушений свидетельствовало о том, что нередко коммерческие интересы клубов брали верх над законопослушностью.

Помимо игр, в клубах, подобных яхт-клубам, очень важную коммуникативную функцию выполняли маскарады, народные гулянья, катки и танцевальные вечера. Очень часто ангажированные клубами оркестры являлись единственными источниками живой музыки в провинциальных городах. Обычно клубы владели необходимой инфраструктурой для проведения таких мероприятий. В случае воронежского яхт-клуба она состояла из уже упомянутого цейхгауза и прилегающего к нему парка. Входные билеты являлись важной статьей дохода. Приход от этого вида клубной деятельности, согласно смете за 1911–1912 г., превысил доход от членских взносов в два раза. Однако и расходы в связи с устройством гуляний и катка были значительными⁵⁶. Народные гулянья и другие развлекательные мероприятия имели для клубной деятельности и отрицательные последствия. Заключались они главным образом в том, что отвлекали членов и гостей от реализации более значимых задач. Общие и годовые собрания яхт-клубов в России часто не собирали кворума. В саратовском яхт-клубе даже повторные собрания оставались без достаточного числа присутствующих, в результате чего параграф о кворуме был удален из устава⁵⁷. Открытие сезона яхт-клуба в Воронеже в день рождения императора Петра I в юбилейном для клуба 1895 г., прошло весьма скромно: «Несмотря на то, что на этот раз 30 мая было не обычной годовщиной основания яхт-клуба, а двадцатой, почтить торжество явились немногие члены, и оно прошло бы вовсе скромно, если бы в нем не принял участие г. воронежский губернатор, пожелавший в этот день познакомиться с этим учреждением». На торжественном обеде с губернатором присутствовали «едва 15 человек»⁵⁸. 14 апреля 1896 г. газета «Дон» опубликовала заметку о пропущенном юбилее. Казалось, что яхт-клуб забыл отметить двухсотлетие со дня спуска первых кораблей Петром I в Воронеже для второго Азовского похода⁵⁹. Правда, упрек в адрес клуба оказался преждевременным. Несколько недель спустя, 21 июля 1896 г., яхт-клуб превратился в народную аудиторию под открытым небом, освещенную бенгальским огнем. Священнос-

лужитель Троицкого кафедрального собора С.А. Карпов, член яхт-клуба, выступил перед горожанами с подробной лекцией о событиях двухсотлетней давности и тем самым содействовал выполнению просветительской миссии клуба.

Опасность для клубной жизни грозила также с другой стороны. Народные гулянья в парке яхт-клуба и танцевальные вечера за умеренную плату или совсем бесплатно привлекали естественным образом не только городские элиты, но и менее обеспеченные слои населения. Их появление на клубных мероприятиях привело к своего рода культурной конфронтации, которая вызвала гнев и противодействие клубного руководства. В августе 1896 г. ревизионная комиссия воронежского яхт-клуба обратила внимание членов не только на хозяйственные проблемы, но и на необходимость упорядочения семейных вечеров и народных гуляний: «Всемирно известно, что был яхт-клуб прежде и чем он стал теперь. Элемент посетителей яхт-клубских вечеров настолько понизился, что более порядочная публика избегает посещать эти вечера. Вот очищением публики от сомнительных элементов и думает заняться новая администрация, чтобы сделать яхт-клуб снова местом безопасным от разных столкновений и скандалов»⁶⁰. Однако, очевидно, успех этих мер был недолговечным. Судя по сообщениям местной прессы, вечеринки и гулянья с привлечением посторонней публики и дальше нередко заканчивались скандалами.

Исследователи клубного движения в России отмечают, что после 1900 г. произошли некоторые изменения в практике клубов. Азартные игры потеряли значение, и им на смену пришли новые формы игр, такие как гольф, теннис, крикет и игра в кегли. Сам спорт стал играть качественно новую роль в деятельности яхт-клубов, в том числе в Воронеже. В частности, как и в Англии, в Российской империи в начале XX в. спорт и пропаганда здорового образа жизни приобретали всё более прочные позиции в социально-культурном пространстве, как в столицах, так и в провинции. В этот контекст вполне вписывается Воронежский Петровский яхт-клуб, который с начала XX в. заметно оживил свою спортивную деятельность. Он стал главным спортивным центром Воронежа⁶¹.

¹ Амирханов Л.И. Невский флот Петра Великого. История первого в мире яхт-клуба. СПб., 2018. С. 148–150.

² О значении ассоциаций для общества на местах см. Häfner L. Gesellschaft als lokale Veranstaltung. Die Wolgastädte Kazan' und Saratov (1870–1914). Köln, Weimar, Wien, 2004.

³ Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland / Brunner O., Conze W., Koselleck R. (Ed.). Bd. 6. Stuttgart, 1990. S. 827–828.

⁴ Туманова А.С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008; она же. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914–февраль 1917 г.). М., 2014; Розенталь И.С. И вот общественное мнение! Клубы в истории российской общественности. Конец XVIII – начало XX вв. М., 2007; Брэдли Д. Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество. М., 2012. Завьялова Л.В. Петербургский Английский клуб. 1770–1918: Очерки истории. СПб., 2005.

⁵ См. Hardtwig W. Verein, Gesellschaft, Geheimgesellschaft, Assoziation, Genossenschaft, Gewerkschaft / Brunner O., Conze W., Koselleck R. (Ed.). Geschichtliche Grundbegriffe. Bd. 6. Stuttgart, 1990. S. 789–829; Mergel T. Die Bürgertumsforschung nach 15 Jahren // Archiv für Sozialgeschichte. 41 (2001). S. 514–538; Hausmann G. Assoziierung und Geselligkeit / Hausmann G. (Ed.). Gesellschaft als lokale Veranstaltung. Selbstverwaltung, Assoziierung und Geselligkeit in den Städten des ausgehenden Zarenreiches. Göttingen, 2002. S. 116–137; Hildermeier M. Liberales Milieu in russischer Provinz. Kommunales Engagement, bürgerliche Vereine und Zivilgesellschaft 1900–1917 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 51 (2003). S. 498–548; Häfner L. Gesellschaft als lokale Veranstaltung. S. 65–74; Hoffmann S. Geselligkeit und Demokratie. Vereine und zivile Gesellschaft im transnationalen Vergleich. Göttingen, 2003. S. 7–20; Fedyashin A.A. Liberals under autocracy: modernization and civil society in Russia, 1866–1904. Madison, 2012. S. 3–16.

⁶ Брэдли Д. Указ. соч. С. 55–56.

⁷ Туманова А.С. Общественные организации и русская публика. С. 34–36.

⁸ Розенталь И.С. Указ. соч. С. 12–13.

⁹ Эспань М. История цивилизации как культурный трансфер. М., 2018. С. 35–55; Конрад С. Что такое глобальная история. М., 2018. С. 17–28; Pernau M. Transnationale Geschichte. Göttingen 2011. S. 43–49.

¹⁰ Middell M. Kulturtransfer und Historische Komparatistik. Thesen zu ihrem Verhältnis // Comparativ. Zeitschrift für Globalgeschichte und vergleichende Gesellschaftsforschung. 10.1. (2000). S. 18.

¹¹ Амирханов Л.И. Указ. соч. С. 43–66; Анисимов Е.В. Время Петровских реформ. Л., 1989. С. 389–390.

¹² Амирханов Л.И. Указ. соч. С. 27–36.

¹³ Там же. С. 37–42.

¹⁴ Воскресенский Н.А. Петр Великий как законодатель. Исследование законодательного процесса в России в эпоху реформ первой четверти XVIII века. М., 2017. С. 536–545, 565.

¹⁵ Анисимов Е.В. Указ. соч. С. 360–361.

¹⁶ Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. Л., 1982. С. 310; Каменский А. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М., 1999. С. 126.

¹⁷ Hildermeier M. Liberales Milieu in russischer Provinz. С. 530.

¹⁸ Иванова Н.А. Дворянская корпоративная организация в российском законодательстве конца XVIII – начале XIX в. / Призвание историка. Проблемой духовной и политической истории России. М., 2001. С. 177–202; Завьялова Л.В. Указ. соч.; Куприянов А.И. Московский английский клуб: очерки истории досуга московской элиты XVIII – начала XX вв. / Чтения по истории русской культуры. М., 2000; Хефнер Л. «Храм праздности»: ассоциации и клубы городских элит в России (На материалах Казани 1860–1914 гг.) / Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. Ульяновск, 2000; Розенталь И.С. Указ. соч. С. 16–38.

- ¹⁹ Туманова А.С. Общественные организации и русская публика. С. 40–48, 107; Розенталь И.С. Указ. соч. С. 140–172.
- ²⁰ Туманова А.С. Общественные организации и русская публика. С. 68–73, 107–110, 162–171. См. также Lindenmeyr A. *Voluntary Associations and the Russian Autocracy: The Case of Private Charity*. Pittsburgh, 1990. S. 37–40.
- ²¹ Туманова А.С. Общественные организации в России. С. 60–71.
- ²² Розенталь И.С. Указ. соч. С. 322.
- ²³ Drower G. *Boats, Boffins and Bowlines. The Stories of Saling Inventors and Innovations*. Stroud, Gloucestershire, 2011. P. 23–25.
- ²⁴ Timbs J. *Clubs and Club Life of London. With Anecdotes of its famous Coffee Houses, Hostelryes, and Taverns*. London, 1872. P. 196–198.
- ²⁵ Leger Alicia St. *A History of the Royal Cork Yacht Club*. Cork, 2005. P. 14–67.
- ²⁶ Ward A.R. *The Chronicles of the Royal Thames Yacht Club*. Arundel, Sussex, 1999.
- ²⁷ Вульф Д. Яхт-клуб в Воронеже: спорт и локальная политика в последней трети XIX – начале XX в. // Девятые всероссийские краеведческие чтения (Москва-Воронеж 15–19 мая 2015 г.). М., Воронеж, 2016. С. 713.
- ²⁸ Большая иллюстрированная энциклопедия яхт-клубов / под ред. А. Баталова. Москва, 2005. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://web.archive.org/web/20100614091704/http://book.nationalclass.ru:80/S.-Peterburgskiy-Imperatorskiy-yaht-klub/>, свободный.
- ²⁹ Клейнмихель М.Э. Дворцовые интриги и политические авантюры: российская аристократия при последних Романовых. М., 2014. С. 153–154.
- ³⁰ Lieven D. *Russia's rulers under the old regime*. New Haven, London, 1990. P. 167.
- ³¹ Там же. P. 57–58.
- ³² Большая иллюстрированная энциклопедия яхт-клубов / под ред. А. Баталова. Москва, 2005. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://web.archive.org/web/20100614091418/http://book.nationalclass.ru:80/S.-Peterburgskiy-Imperatorskiy-Rechnoy-yaht-klub/>, свободный. Чередниченко С. Яхт-клубы в Российской империи // *Yachting. Russia's Premier Marine Magazine*. 2003. Сентябрь-октябрь. [Электронный ресурс]. <https://www.yachting.ru/catalog/2003/2003-sentyabr-oktyabr/12738/>, свободный.
- ³³ Вульф Д. Петровский Яхт-Клуб и его роль в формировании локальной идентичности в Воронеже в последней трети 19 – начале 20 вв. // Общественное движение и культурная жизнь в Центральной России XIV–XX веков. Воронеж, 2006. С. 31–43.
- ³⁴ Десятилетие Петровского Воронежского Яхт-клуба. 1875–1885. Составили Почетные Члены Яхт-клуба С.М. Карпинский и А.В. Миллер. Воронеж, 1896. С. 5.
- ³⁵ Вульф Д. Петровский Яхт-Клуб. С. 31–36.
- ³⁶ Десятилетие Петровского Воронежского Яхт-клуба. С. 15–18.
- ³⁷ На данный момент (октябрь 2018) имеется поименный список из 450 членов воронежского яхт-клуба, которые в своем подавляющем большинстве относятся к периоду существования клуба с 1875 по 1890 гг.
- ³⁸ Häfner L. *Gesellschaft als lokale Veranstaltung*. С. 268.
- ³⁹ Статистику по городским и губернским органам управления см. у Попова П.А. *Городское самоуправление Воронежа. 1870–1918*. Воронеж, 2006. С. 347–399.
- ⁴⁰ Mergel T. *Die Bürgertumsforschung nach 15 Jahren*. S. 525–526.
- ⁴¹ Вульф Д. Петровский Яхт-Клуб. С. 31–36.
- ⁴² Häfner L. *Gesellschaft als lokale Veranstaltung*. S. 236.
- ⁴³ Правила внутреннего распорядка Петровского Воронежского Яхт-Клуба. Воронеж, 1909. С. 1.

⁴⁴ См. Häfner L. Der "Neue Klub" in Kazan' 1900 bis 1913: Kristallisationspunkt lokaler "Gesellschaft" / Hausmann G. (Ed.), Gesellschaft als lokale Veranstaltung. S. 383

⁴⁵ Häfner L. Gesellschaft als lokale Veranstaltung. S. 255.

⁴⁶ Дон. 1895. 29 окт., № 122. С. 3.

⁴⁷ Häfner L. Gesellschaft als lokale Veranstaltung. S. 224.

⁴⁸ Правила внутреннего распорядка Петровского Воронежского Яхт-Клуба.

⁴⁹ Заявление учредителей Яхт-клуба на имя городского головы С.Л. Кряжова, 25 июня 1874 г. // ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 539. Л. 1.

⁵⁰ Десятилетие Петровского Воронежского Яхт-клуба. С. 8–9.

⁵¹ Вульф Д. Яхт-клуб в Воронеже. С. 715–716.

⁵² Häfner L. Gesellschaft als lokale Veranstaltung. S. 241–248; Hildermeier M. Liberales Milieu in russischer Provinz. Kommunales Engagement, bürgerliche Vereine und Zivilgesellschaft 1900–1917. S. 539.

⁵³ В России существовала государственная монополия на продажу карт. Клубы обычно отвели положенные 0,92-0,95 рублей за запечатанную игру, а продавали их игрокам за 2 рубля.

⁵⁴ Петровский Воронежский Яхт-клуб, состоящий под покровительством Его Императорского Высочества Великого Князя Алексея Александровича. Отчет комитета за 1887 год. Воронеж, 1888. С. 19, 42.

⁵⁵ Вульф Д. Петровский Яхт-Клуб. С. 34–36.

⁵⁶ Смета прихода и расхода сумм Петровского Воронежского Яхт-клуба на 1911–1912 год. Воронеж, 1912. С. 2–3.

⁵⁷ Häfner L. Gesellschaft als lokale Veranstaltung. S. 228–229.

⁵⁸ Дон. 1895. 6 июня, № 61. С. 3.

⁵⁹ Там же. 1895. № 40. С. 2.

⁶⁰ Там же. 1896. 12 авг., № 89. С. 3. В предыдущем номере этой газеты (11 авг., № 88. С. 3) было опубликовано стихотворение «Новый курс яхт-клуба» анонимного автора, которое дало более конкретное представление о предмете критик:

К нам, бывало, набиралось

Всякой шушеры довольно, –

Джентльменам оставалось

Их терпеть почти невольно...

А теперь мы сразу, грубо

Повернули руль яхт-клуба,

И, довольные собой,

Взяли курс совсем другой!

Прочь сюртук! Долой пиджак!

Пусть все будет без обмана!

И – царят лишь черный фрак

Да цилиндры Циммермана!...

Не пробьются в клуб наш хамы!

Вон – кухарок без различья!

Декольте все будут дамы!

В танцах – строгое приличие!

Если в клуб попасть хотите –

Нам бумагу предъявите,
По который мы узнаем
Из каких вы, молодец,
И в которой прочитаем:
Холостой вы иль вдовец?
Приходите в наши залы!
Там вас встретят принципалы
И уверят вас они,
Что случаются скандалы
Только в праздничные дни!...».

⁶¹ Вульф Д. Яхт-клуб в Воронеже. С. 716–718.